

у насъ почти неизвѣстно; между тѣмъ это — гордость чешской литературы, поэтъ, за которымъ чешскіе критики единогласно признають палму поэтического первенства, и г. Степовичъ очень кстати посвятилъ ему одинъ изъ своихъ этюдовъ, хотя остановился только на одномъ сборникѣ стихотвореній Верхлицкаго, когда на дѣлѣ ихъ есть уже цѣлый длинный рядъ. Верхлицкій (род. 1854 г.) выступилъ въ чешской литературѣ еще юношей и съ первыхъ своихъ произведеній обратилъ на себя вниманіе, которое обратилось въ изумленіе, когда за первымъ сборникомъ его стихотвореній стали быстро появляться все новые плоды его музы („Изъ глубинъ“, „Духъ и міръ“, „Миры“, „Симфоніи“, переводы изъ Виктора Гюго, Леопарди, драмы и т. д.). Муза Верхлицкаго постоянно витала въ возвышенныхъ (и часто туманныхъ) областяхъ человѣческаго мышленія, мистическаго чувства, искусства, міровыхъ воспоминаній и исторій; поэтъ отличался не только плодovitостью, но и замѣчательнымъ мастерствомъ формы и, какъ мы замѣтили, онъ быстро занялъ первостепенное мѣсто въ чешской литературѣ: чешскимъ критикамъ казалось, что это просто первый поэтъ современной Европы.

Высокая талантливость Верхлицкаго не подлежитъ сомнѣнію, но его положеніе—въ тѣсной чешской литературѣ—представляется очень своеобразнымъ. Повидимому, чешская литература едва-ли представляетъ условія, чтобы изъ нея выросъ поэтъ съ міровыми задатками, въ родѣ Байрона или Виктора Гюго. Нашъ критикъ, указывая это возвышенное содержаніе поэзіи Верхлицкаго и дѣлая сравненіе съ русской литературой, находитъ, что это содержаніе является результатомъ „извѣстнаго философскаго образованія и интереса, философской настроенности“, которыхъ нѣтъ у русскихъ читателей и, пожалуй, писателей (см. „Этюды“, стр. 35, 39, 44), хотя и думаетъ, что такая поэзія „выходитъ за предѣлы своей области и вторгается въ чужую, и съ ущербомъ для себя“. Подобную настроенность г. Степовичъ усматриваетъ развѣ только у Тургенева (въ нѣкоторыхъ эпизодахъ) и частію у А. Толстого... Намъ представляется этотъ вопросъ нѣсколько иначе: идеалистическое содержаніе поэзіи Верхлицкаго не говоритъ о большомъ распространеніи философской настроенности въ чешской литературѣ; это — явленіе исключительное, личное. Это содержаніе ни мало не создано чешской литературой и не имѣетъ въ ней antecedentовъ; оно, напротивъ, прямо извлечено изъ литературы европейской — изъ Виктора Гюго, Леопарди и Шопенгауэра, какъ это послѣднее замѣтилъ и г. Степовичъ. Идеализмъ Верхлицкаго—сильно пессимистическій; его укоряли (особенно строгій критикъ въ словацкомъ журналѣ „Slovenske Pohľady“) въ отсутствіи національных тѣмъ и сочувствій, но намъ